

Говард Филлипс Лавкрафт

Он

(He)

Я встретил его в одну из бессонных ночей, когда скитался по городу, отчаянно пытаюсь спасти свою душу и свой поэтический дар. Мой приезд в Нью-Йорк оказался ошибкой: я надеялся испытать здесь прилив вдохновения, открывая для себя новый удивительный мир в многолюдных лабиринтах старинных улиц, берущих начало от затерянных тупичков, площадей и причалов и после долгого плутания по городу упирающихся в столь же затерянные тупички, площади и причалы, или же в современных домах-башнях, что наподобие Вавилонской черными силуэтами устремляются к небу под светом ущербной луны; однако вместо этого я испытал только ужас и чувство подавленности, которые грозили завладеть мной, парализовать мою волю и полностью меня уничтожить.

Разочарование наступило не сразу. Впервые я увидел этот город с моста, подъезжая к нему на закате: он величественно вздымался над водами, и все эти невероятные здания, увенчанные шпилями и пирамидальными надстройками, вырастали из лилового тумана как некие экзотические цветы, чтобы составить компанию пламенеющим золотым облакам и пока еще бледным вечерним звездам на небосводе. Затем город начал одно за другим зажигать свои окна, и свет их отражался, подрагивая, в речной глади, по которой скользили огни кораблей, и переключка пароходных гудков создавала порой удивительные созвучия, да и вся эта картина под мечтательным звездным небом была насыщена волшебной музыкой, напоминающей о чудесах Каркассона, Самарканда, Эльдорадо и им подобных прославленных и полупоэтичных городов. А вскоре я уже бродил по столь дорогим моему воображению старым улицам — узким и кривым, огражденным рядами краснокирпичных георгианских домов, мансардные окошки которых над колоннами портиков в свое время видели позолоченные кареты и роскошные портшезы. В те первые минуты знакомства с городом мне казалось, что я наконец реализовал свою давнюю мечту и добрался до сокровищ, которые со временем помогут мне стать настоящим поэтом.

Но ожидаемые успех и счастье, увы, обошли меня стороной. Яркий свет дня обнажил мерзость и убожество каменных нагромождений над головой и бесконечных мостовых под ногами там, где лунное сияние предполагало очарование и магию старины. А в толпах людей, сновавших по этим похожим на ущелья улицам, преобладали коренастые смуглые чужаки с жесткими лицами и настороженным прищуром, практичные, далекие от мечтаний и ничем не привязанные к этому месту, они не представляли никакого интереса для голубоглазого потомка первых поселенцев, хранившего в сердце любовь к зеленым лужайкам и белым сельским колокольням Новой Англии.

Таким образом, вместо поэтического вдохновения, каковое я рассчитывал найти в Нью-Йорке, я ощутил лишь опустошенность и несказанное одиночество, осознав ужасную правду и тайну тайн, которую дотолле никто не решался озвучить: этот город из

камня и металла не сумел сохранить дух своего предшественника, старого Нью-Йорка, как сохранились старый Лондон и старый Париж в Лондоне и Париже современных. Старый Нью-Йорк, увы, сгинул безвозвратно, а его распростертый, небрежно забальзамированный труп кишел паразитами, не имеющими ничего общего с тем городом, каким он был при жизни. После этого открытия я уже не мог спокойно спать и лишь отчасти восстановил душевное равновесие, заведя привычку не выходить на улицы в дневное время и совершать прогулки только по ночам, когда тьма пробуждала то небольшое, что еще сохранилось от прошлого, и перед подъездами старых домов можно было различить призрачные тени людей, когда-то давно здесь проходивших. Такая смена образа жизни принесла мне некоторое облегчение, так что я даже сочинил пару-другую стихотворений и не спешил с возвращением к своим пенатам, не желая предстать перед родными и знакомыми в роли сломленного неудачника.

И однажды, во время очередной прогулки бессонной ночью, я встретил его. Случилось это в одном из замкнутых внутренних дворики в Гринвич-Виллидж — как простодушный провинциал, я поселился в этом районе, будучи много наслышан о нем как об излюбленном пристанище поэтов и художников. Меня действительно восхитили старинные улицы и особняки с попадающимися тут и там маленькими площадями и уютными двориками; и я сохранил привязанность к этим местам даже после того, как убедился, что здешние поэты и художники — не более чем претенциозные горлопаны, вся жизнь которых посвящена отрицанию чистой красоты в поэзии и в искусстве. Я часто представлял себе Гринвич в его бытность тихой деревушкой, еще не поглощенной городом, и в предрассветные часы, когда последние гуляки расплзались по домам, любил в полном одиночестве бродить по этим извилистым улочкам и размышлять о загадках и тайнах, оставленных здесь прошлыми поколениями. Эти прогулки подпитывали меня энергией и подстегивали воображение, не давая угаснуть поэтической искре, тлевшей где-то в глубине моей души.

Он возник передо мной туманным августовским утром, около двух пополудни, когда я обследовал ряд глухих дворики, некогда составлявших живописный проулок, а ныне доступных только через неосвещенные коридоры на первых этажах разделивших их зданий. Я узнал о существовании этих дворики совершенно случайно, ибо они не были указаны ни на одной из современных карт города; и тот факт, что они совершенно забыты, придавал им особую привлекательность в моих глазах, так что я вел поиски с удвоенным усердием. А когда я их наконец отыскал, это еще более подстегнуло мой пыл, ибо само их расположение указывало на то, что эти замкнутые дворики являются лишь несколькими звеньями в длинной цепи им подобных, затерявшихся меж высоких стен и пустых домов в глубине квартала или смутно маячивших в темноте за арочными проходами. Их обходили вниманием суетливые чужестранцы, а порой намеренно скрывали от посторонних отдельные нелюдимые представители богемного мира, избегавшие общества и дневного света.

Он заговорил без предисловий, оглядев меня при слабом свете, падавшем из-за ажурного переплета окна, когда я изучал какое-то крыльцо с допотопным дверным молотком и чугунными перилами. При этом сам он оставался в тени, а его лицо к тому же скрывала широкополая шляпа, вполне гармонизировавшая со старомодным покроем

плаща. Впрочем, я ощутил смутное беспокойство еще до того, как услышал его речь. Он был очень худ — буквально скелет, обтянутый кожей, — а его тихий неглубокий голос относился к разряду тех, что именуют замогильными. По его словам, он уже не первый раз замечает меня блуждающим ночью по улицам, на каком-то основании он сделал вывод, что я питаю интерес к немногим следам былых времен, еще сохранившимся в этих краях. По такому случаю не пожелаю ли я взять в провозатые человека, уже давно занимающегося подобными изысканиями и могущего поведать вещи, которые приезжий вроде меня вряд ли сможет разузнать самостоятельно?

Пока он говорил, я мельком увидел его лицо в желтоватом свете от окна мансарды — единственного освещенного окна в ближайшем доме. Это было лицо пожилого человека с правильными, можно даже сказать, красивыми чертами, и мне сразу подумалось, что такие утонченные породистые лица не очень-то согласуются с нынешней эпохой и данным местом. Ко всему прочему, в его лице, хоть и довольно привлекательном, было нечто тревожащее — возможно, чрезмерная бледность и невыразительность или все то же явное несоответствие окружающей обстановке, — что не позволяло мне чувствовать себя уверенно и спокойно в обществе этого человека. Тем не менее я последовал за ним, поскольку в тот тягостный период лишь красота и загадочность старины могли поддержать во мне почти угасший интерес к жизни, и я посчитал редкостным подарком судьбы встречу с человеком, чья осведомленность в данной области, судя по всему, далеко превосходила мои скромные открытия.

Возможно, в самой атмосфере ночи таилось нечто, удерживавшее моего спутника от лишних слов, и на протяжении последующего часа ходьбы он ограничивался краткими комментариями по поводу старых названий, дат и событий, а путь указывал по преимуществу жестами. Мы протискивались в какие-то щели, бесшумно крались по коридорам многоквартирных домов, перелезали через кирпичные стены, а однажды пришлось ползти на четвереньках под сводчатым потолком какого-то заваленного прохода, настолько длинного и извилистого, что я окончательно потерял ориентацию и даже отдаленно не представлял себе, где мы находимся. По пути нам попадались удивительно древние вещи — во всяком случае, они казались таковыми в редких рассеянных лучах света; я отчетливо помню покосившиеся ионические колонны, пилястры с каннелюрами, столбы чугунных оград с навершиями в виде ваз, конусовидные оконные перемычки и декоративные наддверные окошки зданий, которые выглядели все более причудливыми по мере нашего продвижения в глубь этого лабиринта, казавшегося неисчерпаемым кладезем архитектурных изысков.

За это время мы не встретили ни единого человека, да и освещенные окна попадались все реже и реже. Уличные фонари поначалу были масляными, старинного ромбовидного фасона, потом я заметил несколько фонарей со свечами, а еще чуть погодя мы пересекли мрачный, абсолютно лишенный освещения двор (в кромешной тьме мой проводник направлял меня затянутой в перчатку рукой) и через узкую деревянную калитку в высокой стене вышли в проулок, где фонари горели лишь перед каждым седьмым домом, причем это были допотопные жестяные фонари колониальных времен, с коническими верхушками и дырочками по бокам. Дорога круто шла в гору — гораздо круче, чем я считал возможным в этой части Нью-Йорка, — и в конце подъема уткнулась в увитую плющом стену частной усадьбы. За стеной виднелась куполообразная крыша и верхушки

деревьев, шевеливших листвой на фоне уже начавшего светлеть неба, а в стене обнаружилась низкая арка с дубовой дверцей, которую мой спутник отпер большим ключом. Далее он в полной темноте провел меня по гравийной дорожке и каменным ступеням крыльца и наконец распахнул передо мной дверь дома.

Войдя внутрь, я едва не потерял сознание от хлынувшей навстречу затхлой вони, должно быть, столетиями копившейся в этом запущенном и обветшалом здании. Однако хозяин этого как будто не заметил, и я из вежливости воздержался от замечаний, проследовав за ним по винтовой лестнице и через верхний холл до комнаты, дверь которой он, судя по звуку, запер на задвижку после того, как пропустил меня вперед. Первым делом он раздвинул шторы на трех небольших окнах, за которыми слабо обозначилось предрассветное небо, а затем с помощью кремня и огнива зажег две свечи в стоявшем на каминной полке массивном канделябре с двенадцатью розетками и жестом предложил мне располагаться поудобнее.

При слабом, колеблющемся свете я увидел, что мы находимся в просторной, обшитой дубовыми панелями библиотечной комнате, меблировку которой можно было отнести к первой четверти восемнадцатого столетия. Комнату украшали вычурные наддверные фронтоны, карниз в дорическом стиле и резная плита над камином, в верхней части которой среди завитков было изображено нечто вроде погребальной урны. Вдоль стен, над плотно заставленными книжными полками, с равными интервалами размещались весьма недурно выполненные фамильные портреты, причем лица на потемневших от времени полотнах имели несомненные черты сходства с человеком, который указал мне на кресло рядом с изящным столиком красного дерева. Сам он, прежде чем сесть по другую сторону стола, замешкался, как бы в смущении, а потом медленно снял перчатки, широкополую шляпу и плащ, с некоторой долей театральности открыв моему взору облик джентльмена середины восемнадцатого века, точный во всех деталях: от заплетенных в косичку волос и кружевного воротника до бриджей, шелковых чулок и тупоносых туфель с пряжками, которые я как-то упустил из виду прежде. Усевшись наконец на стул со спинкой в форме лиры, он принялся внимательно меня разглядывать.

Теперь, без шляпы, он выглядел глубоким стариком — намного старше, чем показался мне изначально. Не исключено, что именно эта печать невероятного долголетия и стала подспудной причиной моего беспокойства, возникшего в первый момент нашей встречи. Когда же он заговорил приглушенным, временами дрожащим голосом, мне стоило немалых усилий следить за смыслом сказанного, ибо к моему изумлению примешивалась необъяснимая тревога, возраставшая с каждой минутой.

— Вы видите перед собой, сэр, — начал хозяин, — человека весьма эксцентричных привычек, чему свидетельством этот костюм, за который, впрочем, мне нет необходимости извиняться перед джентльменом вашего ума и ваших склонностей. Постоянно размышляя о славных старых временах, я взял на себя труд досконально усвоить тогдашние манеры и одеяние, каковая прихоть вряд ли может кого-нибудь оскорбить, если ее нарочито не выставлять напоказ. По счастью, мне удалось сохранить в неприкосновенности сельское поместье моих предков, хотя оно было поочередно поглощено двумя городами — Гринвичем в самом начале тысяча восьмисотых и Нью-Йорком лет тридцать спустя. Существовало множество причин, по которым мое

семейство так упорно держалось за свое родовое гнездо, и здесь я не нарушил семейной традиции. Джентльмен, унаследовавший этот дом в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году, занимался особого рода науками и достиг поразительных результатов, причем все они были тесно связаны с особенностями, присущими именно этому участку земли, и потому его крайне важно сохранять в неприкосновенности. Я хочу продемонстрировать вам кое-какие весьма любопытные открытия этого джентльмена, но при условии сохранения их в строжайшей тайне. Я достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы не сомневаться в вашей искренней заинтересованности и вашей порядочности.

Он сделал паузу, глядя на меня, но я смог лишь кивнуть головой. Я уже говорил о растущем во мне тревожном чувстве, но, поскольку для моей души не было ничего губительнее суетного дневного мира Нью-Йорка, мне оставалось только внимать этому человеку — будь он безобидным чудаком или хранителем зловещих тайн — в надежде утолить свою жажду новых открытий, что бы он там ни предложил. Поэтому я сидел и слушал.

— Мой... предок, — с некоторой запинкой продолжил он, — полагал, что человеческой воле присущи особые, совершенно удивительные свойства, при умелом использовании которых человек способен управлять не только своими действиями и действиями других людей, но и любыми силами природы, а также многими стихиями в иных измерениях, выходящих далеко за рамки известного нам мира. Достаточно сказать, что он ставил под сомнение непреложность таких вещей, как пространство и время, и что он нашел необычное применение тайным ритуалам полудиких индейцев, святилище которых когда-то находилось на этом самом холме. Когда здесь построили усадьбу, индейцы были сильно раздражены и неоднократно просили допустить их на эту землю в периоды полнолуния. Но даже не получая разрешения, они из года в год тайком пробирались сюда, чтобы исполнить свои обряды. И вот в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году новый хозяин усадьбы застал их во время такого обряда и буквально остолбенел от увиденного. После этого он заключил с индейцами сделку, позволив им посещать усадьбу в определенные ночи, а они в обмен посвятили его в суть своих таинств. При этом они утверждали, что ритуал только отчасти унаследован ими от краснокожих предков, тогда как некоторые секреты стали им известны от одного старого голландца во времена Генеральных штатов. Хозяин же — чума на его голову! — мне так думается, угостил индейцев подпорченным ромом, уж не знаю, со злым умыслом или нет, но спустя неделю после того, как выведал тайну, он остался единственным живым человеком, кому она была известна. Вы будете первым чужаком, кто о ней услышит за многие годы. Лопни моя селезенка, если я выдам ее всяким там властям предрежущим, но вы похожи на человека, прямо-таки одержимого стариной, а уж это дело совсем другого рода...

Я вздрогнул, когда старик, разволновавшись, вдруг начал использовать в речи смесь из простонародных и архаичных оборотов. Между тем он продолжил:

— Вам следует знать, сэр, что сведения, полученные... моим предком... от этих дикарей, были всего лишь малой частью великих секретов, которыми он овладел впоследствии. Он не впустую потратил время в Оксфорде и не зря провел много времени в беседах с одним старым алхимиком и астрологом в Париже. В конечном счете он убедился, что весь

этот мир суть не более чем дым, порождаемый нашими интеллектами. Грубой черни сие понимание недоступно, однако мудрецы могут преспокойно затягиваться дымом этого мира и выпускать его клубами, как будто куря первосортный виргинский табак. Мы легко можем получить все, что нам нужно, отбрасывая прочь все, что нам не нравится. Впрочем, я не стану решительно утверждать, что на деле все обстоит так просто, однако этот принцип действен в достаточной степени для того, чтобы время от времени устраивать славный спектакль. Думаю, вам доставит удовольствие созерцание прошлых лет — куда более живое и отчетливое, чем может подсказать вам воображение. Так отбросьте все страхи и взгляните на то, что я хочу вам продемонстрировать. Подойдите к окну и, что бы вы ни увидели, сохраняйте спокойствие.

Он взял меня за руку и повел к одному из двух окон в более длинной стене этой пропитанной зловонием комнаты. Когда его рука — на сей раз уже без перчатки — коснулась моей, меня мгновенно пробрал холод и я с трудом удержался от того, чтобы не отстраниться, ибо эти сухие жесткие пальцы оказались буквально ледяными на ощупь. Однако мысль о гнетущей пустоте повседневной реальности укрепила меня в намерении следовать за этим необыкновенным человеком, куда бы он меня ни повел. Приблизившись к окну, он пошире раздвинул желтые шелковые шторы и предложил мне взглянуть во тьму снаружи. Поначалу я не увидел там ничего, кроме мириад танцующих огоньков где-то вдали. Затем, словно в ответ на едва заметное движение руки старика, за окном вспыхнула ослепительная зарница, и передо мной открылось море буйной растительности — там, где по здравому разумению полагалось находиться морю городских крыш. Справа серебрились воды Гудзона, а впереди на большом удалении отблескивала гиблая солончаковая топь с вьющимися над ней тучами светляков. Зарница угасла, а на восковом лице старого колдуна промелькнула зловещая ухмылка.

— Это было еще до моих времен... то есть до времен моего ученого предка. Как насчет того, чтобы попробовать еще раз?

Я был близок к обмороку, испытывая слабость еще большую, нежели та, которую обычно вызывал во мне вид проклятого современного города.

— Боже правый! — прошептал я. — И вы можете вот так перенестись в любую эпоху?

Он кивнул, обнажая в подобии улыбки желто-черные корешки зубов, и мне пришлось вцепиться в штору, чтобы устоять на ногах. Он поддержал меня под локоть своей жуткой ледяной клешней, а другой рукой проделал все тот же едва уловимый жест.

И снова полыхнула зарница, на сей раз открыв картину, более-менее узнаваемую. Это был Гринвич, но не современный, а очень давний, с отдельными зданиями или группами зданий, сохранившимися по сей день, но также с тропинками между зеленых изгородей, участками возделанной земли и общинных пастбищ. Солончак по-прежнему блестел вдали, а за ним на горизонте обозначились самые высокие из строений тогдашнего Нью-Йорка, включая церковь Троицы, часовню Святого Павла и краснокирпичную колокольню пресвитерианской церкви, нечеткие силуэты которых проглядывали сквозь завесу дыма из печных труб. У меня перехватило дыхание, но не столько от самого зрелища, сколько от мысли о новых удивительных возможностях, уже рисовавшихся моему воображению.

— А вы можете... вы рискнете... заглянуть в будущее? — промолвил я с трепетом, и мне показалось, что на мгновение этот трепет передался и старику, но затем его лицо вновь исказила зловещая ухмылка.

— Будущее? То, что мне доводилось видеть, заставит тебя окаменеть от ужаса! Из далекого прошлого в далекое будущее — ты этого хочешь? Ну так смотри, жалкий недоумок!

Пробормотав последние слова уже шепотом, он повторил давешний жест, и небеса озарила вспышка гораздо ярче предыдущих. После этого в течение трех долгих секунд я наблюдал воистину дьявольское зрелище, которое с той поры всегда будет терзать меня в кошмарных снах. Небо заполнили странного вида летающие объекты, а от земли в подлунную высь рвались мрачные черные башни и пирамиды нечестивого города, рассеченного гигантскими каменными террасами и светящегося сатанинскими огнями бесчисленных окон. На открытых галереях я разглядел желтолицых косоглазых обитателей этого города в одеждах кричащих красно-оранжевых тонов, безумно пляшущих под лихорадочные ритмы литавр, дикое брнчание струн и утробные приглушенные стоны духовых инструментов, — и все эти звуки вздымались и опадали подобно волнам адского асфальтового моря.

Я видел эту картину как наяву и отчетливо слышал — или мысленно воспринимал — чудовищную какофонию, ее сопровождавшую. В целом это казалось квинтэссенцией всех кошмаров, какие когда-либо порождал в моем сознании город-труп. Забыв о просьбе хозяина сохранять спокойствие, я издал пронзительный вопль и, уже не в силах совладать с собой, продолжал вопить так громко, что даже стены дома как будто начали вибрировать.

А когда вспышка угасла, я заметил, что старика бьет дрожь, а гримаса ярости на его лице, вызванная моими воплями, постепенно сменяется выражением дикого ужаса. Он покачнулся, цепляясь за штору, как это недавно делал я, и завертел головой, напоминая зверя, обложенного охотниками. И тому были причины, ибо как только угасло эхо моих воплей, стали слышны иные звуки, столь недвусмысленные, что лишь наступившее после истерики общее притупление чувств избавило меня от помешательства. Это было равномерное поскрипывание ступеней за запертой дверью, словно по лестнице крадучись поднималось множество босых либо обутых в мягкую обувь людей; затем с той стороны осторожно подергали дверь, пробуя крепость задвижки, на медной поверхности которой отблескивали огни свечей. Старик по-прежнему не отпускал штору, а другой рукой потянулся ко мне и хрипло забормотал, покачиваясь и брызжа слюной:

— Полнолуние... черт тебя дери, визгливый ты пес... это ты их призвал, и теперь они явились за мной! Шаги в мокалинах... мертвецы... чтоб вам провалиться, краснокожие дьяволы, не отравлял я ваш ром... и разве не я сохранил ваши проклятые магические секреты? Вы сами упились до смерти, поганые ублюдки, и не вам обвинять джентльмена! Прочь, твари, прочь! Не троньте задвижку! Для вас меня здесь нет...

В следующий миг три неторопливых, выверенных удара сотрясли дверь, а на губах обезумевшего от страха колдуна выступила белая пена. Чуть погодя его страх сменился безысходным отчаянием и новой вспышкой ярости, направленной против меня, и он

шагнул к столу, на край которого я в тот момент опирался. Штора, все еще зажатая в его правой руке (тогда как левой он пытался достать меня), натянулась и оборвалась, что усилило поток лунного света, врывавшийся в комнату, так как небо к тому времени совершенно очистилось от облаков. Яркий зеленоватый свет полной луны затмил пламя свечей и обнажил новые свидетельства упадка и разрушения в затхлой комнате с источенными червем стенными панелями, просевшими досками пола, осыпавшейся облицовкой камина, шаткой мебелью и рваной драпировкой. Лучи света не миновали и старика, который — то ли под их действием, то ли от смеси страха и бешенства — съежился и почернел лицом, продолжая тянуть ко мне свои хищные лапы. При этом глаза его сверкали все ярче по мере того, как темнело и усыхало его лицо.

Между тем удары в дверь стали более настойчивыми и теперь сопровождались металлическим призывом. Существо передо мной обратилось в темную бесформенную кучу, из которой выделялась лишь голова с горящими глазами, но оно еще делало попытки продвинуться в мою сторону по все более проседавшему полу, временами издавая невнятные, но полные бешеной злобы звуки. А на ветхую дверь обрушилась новая серия резких и частых ударов, и в разраставшейся прорехе блеснуло лезвие томагавка. Будучи не в силах сдвинуться с места, я мог лишь оторопело наблюдать за тем, как дверь развалилась на части и в проем хлынула черная масса, в которой звездочками мерцало множество злобных глаз. Подобная потоку густой вязкой нефти, она снесла прогнившую перегородку, опрокинула кресло и прошла под столом, направляясь к тому месту, откуда на меня глазела потемневшая голова старого колдуна. Масса сомкнулась над этой головой, поглотила ее и — унося свою добычу, но не тронув меня — потекла назад к двери и вниз по лестнице, которая вновь заскрипела как от множества шагов, на сей раз удалявшихся.

Тут наконец не выдержали гнилые балки, пол провалился, и я рухнул в темную комнату первого этажа, весь облепленный вековой паутиной и полумертвый от ужаса. Зеленый свет луны, проникая сквозь разбитые окна, позволил мне разглядеть, что дверь в холл приоткрыта. Выбираясь из-под груды обломков и кусков штукатурки, я заметил, как мимо двери прокатился чудовищный черный поток с мелькающими в его глубине мрачными огоньками глаз. Он искал дверь в подвал и, найдя ее, исчез внизу. Вслед за тем я ощутил, как проседает пол и этой комнаты, а сверху донесся треск, и мимо окна пролетели останки того, что еще недавно было куполом крыши. Рывком высвободившись, я устремился через холл к наружной двери, однако та оказалась запертой на ключ; тогда я схватил стул, высадил им ближайшее окно, совершил отчаянный бросок и приземлился на густую сорную траву запущенной лужайки, по которой скользил лунный свет. Окружавшая усадьбу стена была высока, а ворота заперты, но я нашел поблизости несколько ящиков, взгромоздил их один на другой в углу двора и вскарабкался наверх, уцепившись за большую каменную урну, которая венчала угловой столб.

В полном изнеможении я огляделся вокруг и увидел только стены, окна и двускатные крыши совершенно незнакомых мне зданий. Улицы с крутым подъемом, по которой я сюда пришел, нигде видно не было, да и обзор ухудшался с каждой секундой из-за тумана, быстро наползавшего со стороны реки, при том что полная луна светила

по-прежнему ярко. Внезапно урна наверху столба, за которую я держался, зашаталась, словно ей передались мое головокружение и смертельная усталость, и спустя миг я уже летел вниз, навстречу неведомой судьбе.

Нашедший меня на улице человек сказал, что я перед тем, должно быть, проделал ползком очень долгий путь, если судить по оставленному мной кровавому следу, начало которого он не решился искать. Прошедший вскоре дождь смыл этот след и тем самым оборвал единственную нить, могущую привести к месту, где я подвергся страшному испытанию. Из показаний свидетелей явствовало лишь то, что я невесть откуда возник у входа в маленький тенистый дворик близ Перри-стрит.

Сам я ни разу не попытался вернуться в те мрачные лабиринты и не советую здравомыслящим людям предпринимать их поиски. Понятия не имею, что такое явилось тогда из подземелья, но, как я уже отмечал, этот город мертв и полон ужасных тайн. Сгинул ли он навсегда, мне неведомо; ну а я вскоре после того возвратился домой, к нежно-зеленым лужайкам Новой Англии, по вечерам овеваемым свежим дыханием океанских бризов.

Перевод: Василий Дорогокупля

2010 год